

СУЗДАЛЬСКАЯ ЗНАТЬ: ПОГРЕБЕНИЕ С ОРУЖИЕМ И ВСАДНИЧЕСКИМ СНАРЯЖЕНИЕМ В МОГИЛЬНИКЕ ГНЕЗДИЛОВО

© 2022 г. Н. А. Макаров^{1,*}, А. М. Красникова^{2,**}

¹ *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

² *Государственный исторический музей, Москва, Россия*

**E-mail: nmakarov10@yandex.ru*

***E-mail: krasnikova.an@yandex.ru*

Поступила в редакцию 10.06.2022 г.

После доработки 10.06.2022 г.

Принята к публикации 14.06.2022 г.

Облик элитных погребений X–первой половины XI в. в центральных районах Северо-Восточной Руси недостаточно прояснен в археологической науке, вскрытые раскопками XIX–середины XX в. погребения с оружием большей частью остались скудно документированными. В 2021 г. в Суздальском Ополье впервые за последние 170 лет исследован погребальный комплекс с ингумацией, сопровождавшейся снаряжением коня и всадника, который может быть достоверно связан с социальной элитой высокого ранга. Ингумация выявлена в могильнике Гнездилово на площадке кургана с полностью сnivelированной распашкой насыпью в большой могильной яме, ориентированной по оси СЗ–ЮВ. Размеры ямы (3.3 × 1.6 м), наличие в ней деревянных конструкций с перерубами на углах соответствуют характерным признакам камерных могил. Однако в отличие от классических камер, представлявших собой подземные помещения с перекрытиями, могильная яма погребения 19 была неглубокой. Инвентарь, сопровождавший погребенного мужчину, состоял из фрагмента дирхема, складных весов и двух гирек, бронзовой пряжки, ножа, кресала с кремнем, пары стремян, подпружной пряжки, удила, боевого топора и лепного сосуда. Состав набора инвентаря, редкий в древнерусских могильниках, характеризует погребенного как представителя элиты, возможно, связанного с осуществлением административно-фискальных функций. Датировка погребения 19 (рубеж X–XI – первая четверть XI в.) примерно соответствует летописным событиям 1024 г., первому упоминанию о Суздале, связанному с “мятежом волхвов” и последующим “уставлением земли” Ярославом.

Ключевые слова: средневековая Русь, погребальный обряд, элитные погребения, Суздальское Ополье, курганы, боевые топоры, всадническое снаряжение.

DOI: 10.31857/S0869606322040110

Современное научное видение погребальных древностей Суздальского Ополья основывается, с одной стороны, на материалах раскопок А.С. Уварова, исследовавшего здесь в середине XIX в. более 3500 курганов, с другой стороны, на документацию полевых работ новейшего времени начиная с 1960-х годов, включающей данные не менее чем о 350 погребениях. Этот внушительный массив материалов позволяет дать общую характеристику погребального обряда и его трансформации на протяжении X–XIII вв. (Лапшин, 1981, 1989; Макаров и др., 2020), но не в полной мере передает индивидуальный характер отдельных погребальных комплексов, в особенности элитных погребений X–первой половины XI в. Они остались лаконично документированы при раскопках А.С. Уварова и мало затронуты раскоп-

ками последнего десятилетия. В этой ситуации исключительный интерес представляет погребение с оружием и всадническим снаряжением, исследованное в 2021 г. экспедицией Института археологии РАН и Государственного исторического музея в могильнике Гнездилово.

Могильник Гнездилово (Гнездилово 12) под Суздаlem хорошо известен археологам как один из первых ярких некрополей, с погребениями, сопровождавшимися выразительным инвентарем, открытых А.С. Уваровым в Ополье в 1851 г. Известна и история его второго открытия в 2019–2020 гг., когда в видоизмененном ландшафте, не сохранившем остатков курганных насыпей, была локализована территория могильника, собрана представительная коллекция предметов из разрушенных погребений и выполнена электротомо-

графическая съемка, выявившая основания около 80 курганных насыпей (Макаров, Красникова, Ерохин, 2021; Макаров, Красникова, Угулава, 2022). Гнездилово — один из трех могильников X—XI вв. (наряду с Шекшово 9 и Сельцо 8), которые некогда исследовались А.С. Уваровым, считались полностью раскопанным и были вновь выявлены экспедицией ИА РАН и ГИМ как памятники, сохранившие перемешанный распашкой слой, содержащий остатки разрушенных погребений, и непотревоженные погребальные комплексы. Дальнейшую программу полевых работ на этих памятниках целесообразно строить как выборочное изучение отдельных участков и отдельных погребальных комплексов с выбором точек по материалам геофизических обследований и сборов находок на поверхности.

Одна из таких точек была определена как перспективная для раскопок в 2021 г. по находке в распашке пары стремян, удила, подпружной пряжки и боевого топорика. Электротомографическая разведка выявила на этом участке округлую в плане аномалию, предположительно соответствовавшую основанию курганной площадки (рис. 1). Раскоп площадью более 180 м² (раскоп 2) был заложен с таким расчетом, чтобы полностью охватить аномалию и участок, прилегающий к ней с юго-востока. В границах аномалии, в северо-западной части раскопа, после снятия пахотного слоя выявлено основание курганной площадки, окруженное ровиком с тремя перемычками. В юго-восточной части раскопа обнаружены два погребения в могильных ямах и костные остатки двух индивидов, залегавшие в переотложенном состоянии. Оба неразрушенных погребения — мужские, ориентированные головой на запад. Сопровождавший инвентарь одного из них (№ 20) включал железные нож, иглу, кресало с кремнем, пряжку и два поясных кольца, второго (№ 21) — железный нож, лировидную поясную пряжку и два поясных кольца из цветного металла. Весьма вероятно, что над обоими погребениями первоначально находились небольшие курганные насыпи. Из пахотного слоя в этой части раскопа происходят также отдельные украшения и бытовые вещи (в том числе оплавленные), очевидно, из разрушенных погребений. В раскопе также присутствовали пережеванные кости, найденные в заполнении ровика кургана I и в одной из ям, часть остатков из ровика определена как кости взрослого мужчины.

Открытая в северо-западной части раскопа округлая площадка диаметром около 7 м, окруженная ровиком, получила обозначение, как основание кургана I (рис. 1). В ее центре находилась могильная яма, содержащая погребение (№ 19) мужчины¹. Насыпь кургана не сохранилась. Погребенный дерн на площадке был полностью

разрушен распашкой. Могильная яма имела необычно большие размеры (3.3 × 1.6 м) и необычную ориентировку (по оси СЗ—ЮВ). Глубина ямы от современной поверхности курганной площадки — 18—24 см, с учетом переработанного распашкой древнего почвенного слоя можно полагать, что первоначальная глубина ее составляла 40—50 см. В яме расчищены следы деревянной конструкции в виде полос темного гумуса и угольных плашек, образовывавшие правильный прямоугольный контур с перерубами на углах размерами 275 × 131 см без учета выступов. Дендрологические определения² показали, что в погребении использовалось несколько пород дерева (рис. 2). В южной части сооружения отмечен крупный обугленный, выступающий над основной поверхностью фрагмент из древесины дуба — возможно, часть перекрытия погребального сооружения или отдельная конструкция, размещенная в ногах; фрагмент древесины ясеня обнаружен под левой бедренной костью; фрагмент древесины над пряжкой № 7 — возможно, из сосны.

Погребенный мужчина 25—30 лет³, лежал в центральной части ямы, с небольшим смещением к юго-западной ее стенке, вытянуто на спине, свободно, с широко отстоящими руками и черепом, повернутым влево. Под черепом справа расчищена пряжка из цветного металла с железным язычком, у плеча справа — фрагмент дирхема с граффити (по типу и палеографии — Мансур б. Нух или Нух б. Мансур, 360—370-е годы х. (970—990 гг.)⁴, у бедра справа — железный нож с узким клиновидным лезвием, слева — калачевидное кресало и кремь, в ногах справа — лепной сосуд (рис. 2, № 4). У таза справа расчищены сложенные в кожаный мешок складные весы (две чашечки и коромысло) и находившиеся под ними две гири (боченковидная и 14-гранная). В юго-западной части ямы компактно лежали стремяна, подпружная пряжка, удила и боевой топорик. Еще одни удила обнаружены в ровике кургана, в придонной части заполнения, в северо-западном его секторе, но, скорее всего, они связаны не с курганом I и расчищенным на площадке погребением, а с другим курганом, не попавшим в пределы раскопа, но имевшим общий ровик со вскрытой насыпью.

¹ В связи с тем, что на памятнике с разрушенными насыпями не во всех случаях однозначно можно определить, грунтовое или подкурганное погребение, во избежание дублирования номеров принято решение давать всем выявленным погребениям порядковый номер, добавляя номер кургана в случае достоверно определенного типа объекта.

² Дендрологические определения выполнены Л.Н. Соловьевой в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

³ Антропологические определения выполнены чл.-корр. РАН М.В. Добровольской в Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН.

⁴ Монета определена к.и.н. А.А. Гомзиным (ИА РАН).

Рис. 1. Могильник Гнездилово 12. Вид на площадку кургана 1 с юго-запада и фрагмент электротомографического плана.
Fig. 1. The cemetery of Gnezdilovo 12. View of the site of mound 1 from the southwest and a fragment of its electron tomography image

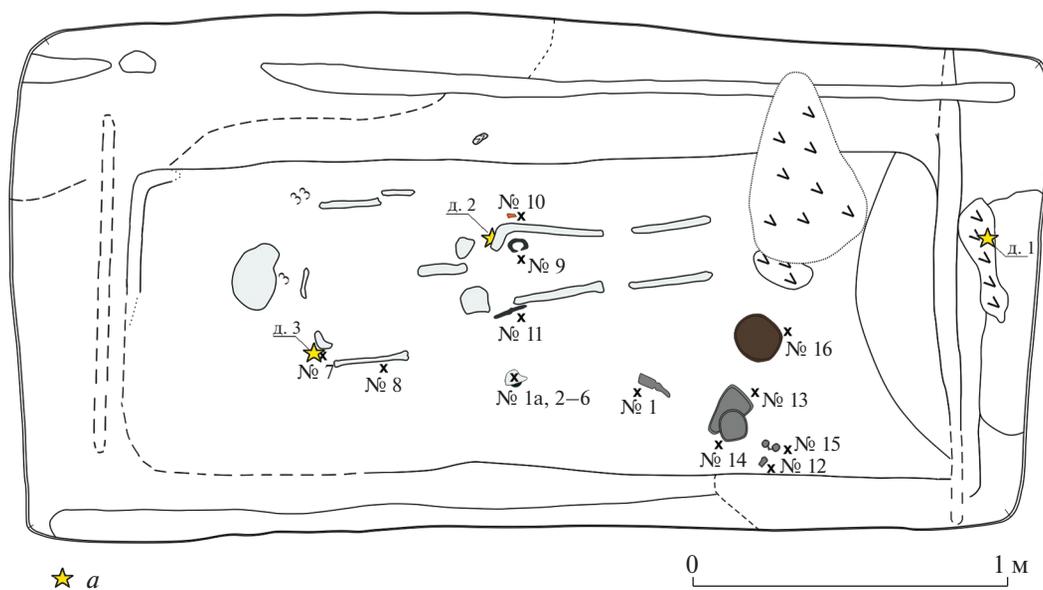

Рис. 2. Могильник Гнездилово 12, погребение 19. План. *a* — проба древесины.
Fig. 2. The cemetery of Gnezdilovo 12, burial 19. Plan

Погребение 19 выделяется по характеру погребального обряда и набору сопроводительного инвентаря среди обычных погребений конца X—XI в., известных по раскопкам последних 50 лет в Суздальском Ополе. Ямы больших размеров, в том числе с длиной, превышающей 3 м, и ранее были зафиксированы в могильниках Суздальского Ополя (Седова, 1997. С. 148, 162, 163; Макаров, Зайцева, 2016. С. 193–197), в некоторых из них расчищены остатки деревянных внутримогильных сооружений, однако все эти погребения сопровождалось скромным инвентарем. По размерам и соотношению длины и ширины яма погребения 19 соответствует параметрам камерных могил. Погребения с боевым оружием, всадническим снаряжением и инструментами для взвешивания редки в древнерусских могильниках. В центральных районах Ростово-Суздальской земли после полевых работ А.С. Уварова они исследовались раскопками только в ярославских могильниках (Недошивина, 1963; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 187, 188). Погребений с всадническим снаряжением, включающим стремяна, обычные для кочевнических погребальных комплексов степной полосы Восточной Европы, на всей территории Руси известно лишь несколько десятков. Большинство из них исследовано на Юге Руси, в Киеве, Чернигове и их окрестностях (Кирпичников, 1973. С. 43–47). В землях Северо-Восточной Руси таких погребений открыто не более 12 в 7 могильниках (Шекшово — 3 погребения; Сельцо — 2; Васильково — 1; Веськово — 2; Городище — 2; Тимерево — 2; Михайловское — 1), большинство этих захоронений было исследовано в середине XIX в. и осталось скудно документировано.

Оба стремяна (они различаются по форме) относятся к типу I по А.Н. Кирпичникову, наиболее распространенному в X—начале XI в. на Руси. Это стремяна округлой формы с ушком, оформленным в самостоятельном выступе, и скругленной подножкой, занимающей от 1/3 до 1/4 дужки. У одного из стремян выступ с ушком для путлища четко выделен и имеет овальную форму, у другого верхняя часть дужки уплощена и расширена, выступ имеет плавные очертания, верхний край его обломан. Стремяна данного типа представлены в курганных погребениях, от Чернигова и Шестовиц до Ярославского Поволжья. В каталоге А.Н. Кирпичникова их учтено 46. Ученый считал, что датировка стремян этого типа не выходит за рамки рубежа X—XI вв. (Кирпичников, 1973. С. 46, 47. Рис. 29. Табл. XIV, 1–6).

Боевой топорик⁵ (рис. 3) с трапециевидным лезвием с отверстием для крепления чехла и узким пластинчатым выступом на тыльной части

Рис. 3. Топор из погребения 19.

Fig. 3. The axe from burial 19

обуха принадлежит к редкому типу II по А.Н. Кирпичникову (тип VI вариант IA по П. Котовичу: Kotowicz, 2018). В каталоге А.Н. Кирпичникова учтено 27 таких топоров, происходящих преимущественно из курганных погребений X—начала XI в., от Чернигова и Шестовиц до Приладожья. А.Н. Кирпичников считал, что древнейшие образцы топоров этого типа представлены на Кавказе и в Башкирии и отмечал присутствие их в Скандинавии, Прибалтике, Польше, Венгрии и Латвии (Кирпичников, 1966. С. 35). Значительная серия топоров такой формы происходит из погребений X в. в Паннонском бассейне и связывается с расселением здесь венгров. Отдельные находки в Польше, элитный погребальный комплекс в Пшемьсле (Vuko, 2021. P. 66, 67) и Болгарии (Yotov, 2016. P. 248, 249. Fig. 10, 10) могут отражать мадьярское влияние или их прямое присутствие (Kotowicz, 2018. P. 116, 117). А.Н. Кирпичников считал, что верхняя дата топоров данного типа не выходит за рамки начала XI в., это мнение разделяют и авторы новейших исследований (Kotowicz, 2018. P. 116, 117). В Северо-Восточной Руси находки топоров типа II известны на Сарском городище, в ярославских могильниках (Тимерево и Михайловское) и могильниках на Плещеевом озере (Большая Брембола, Вельково, Городище).

Весы сильно повреждены коррозией: в неполном виде сохранились две чашечки диаметром около 4 см и коромысло (рис. 4, 1а, 2, 3). Находки весов для малых взвешиваний в древнерусских погребениях и проблемы социальной интерпретации подобных комплексов подробно рассмотрены М.О. Жуковским (2019, 2021). В составленном им каталоге учтено чуть более 90 погребений с целыми весами и их деталями, наиболее многочисленная серия (18 погребений) представлена в Гнёздове. В раскопках А.С. Уварова находки весов зафиксированы в 16 погребениях в 7 могильниках, 3 из которых — Шекшово (4 погр.), Васильково (1 погр.), Вески (1 погр.) — находятся на

⁵ Из проушины топора извлечены фрагменты древесины, возможно, клена (?).

Рис. 4. Находки из погребения 19 (номера соответствуют плану погребения на рис. 2).
 Fig. 4. Finds from burial 19 (numbers correspond to the burial plan in Fig. 2)

территории Владимирско-Юрьевского Ополя (Жуковский, 2019. С. 124–147). По наблюдения М.О. Жуковского, большинство погребений с весами – мужские (хотя документировано также и присутствие весов в погребениях женщин и детей), многие из них представляют собой камерные могилы, значительная часть таких погребений содержит также оружие и конское снаряжение. Совместная встречаемость весов, оружия и предметов конского снаряжения характерна, в частности, для ярославских могильников. Из двух известных в Тимеревском некрополе погребений со стременами одно (камерная могила 100) содержало также весы в футляре (Фехнер, Янина, 1978).

Ножи и кресала с кремнем, помещавшиеся в районе пояса, – обычные предметы в сопровождающем инвентаре мужских погребений X–XI вв. в Северо-Восточной Руси. Фрагмент дирхема (рис. 4, 8) не имеет отверстия для подвешивания или следов крепления ушка, он был помещен в погребение в качестве “обола мертвого”. Этот редкий для средневековой Руси обычай (Равдина, 1988) ранее зафиксирован в двух погребениях в могильнике Шекшово (Макаров и др., 2020. С. 134, 136).

Приземистый лепной горшочек⁶ высотой всего 10,5 см, с коническим туловом, выраженными плечиками и отогнутым наружу венчиком, декорированным насечками по краю, находит ближайšie параллели в материалах Тимерева (Смирнова, 1987. С. 97, 98).

Погребение датируется рубежом X–XI – первой четвертью XI в. Нижняя граница этого интервала определена временем чеканки монеты, верхняя – общим характером вещевого набора, в котором присутствуют предметы, характерные для X в., время их бытования не выходило за пределы начала XI в. (топорик, стремя, 14-гранная гирька, лепной сосуд, орнаментированный по краю венчика веревочкой на палочке).

Следует ли рассматривать погребальный комплекс, выявленный на площадке кургана 1, как камерное погребение? Состав погребального инвентаря, размеры могильной ямы, наличие в ней деревянных конструкций с перерубами на углах, немного асимметричное положение погребенного, соответствуют характерным признакам древнерусских камерных могил, выделенных К.А. Михайловым (2016. С. 30–35, 40). Однако в отличие от классических камер, представлявших собой подземные помещения с перекрытиями, могильная яма погребения 19 имела небольшую глубину. По своему объему и глубине она существенно отличается от камер Гнѣздова или Старо-

вознесенского некрополя в Пскове. На территории Северо-Восточной Руси единственный некрополь с камерными погребениями – Тимерево, где исследовано пять подобных комплексов (Зозуля, 2014; Михайлов, 2016. С. 49, 222–227). По своим размерам большинство тимеревских камер уступает могильной яме в кургане 1 в Гнездилово. Тимеревские камерные погребения содержат более представительные наборы престижных вещей, но по некоторым своим особенностям, в том числе по небольшой глубине могильных ям (0,2–0,7 м) и небольшой высоте курганов (0,7–1 м), они близки гнездиловскому погребению. Добавим, что в древнерусских могильниках камерные конструкции, исследование которых сопровождалось определением породы дерева (всего 5 погребений), сооружены из сосны, в одном случае – с перекрытием из березовых бревен (Михайлов, 2016. С. 54), использование дуба ни разу не зафиксировано.

Стоит отметить определенные черты сходства гнездиловского погребения с камерными погребениями Польши, которые стали объектами пристального исследовательского внимания в последние десятилетия. Признаки, положенные в основу выделения камерных могил Южной Балтики в особую категорию погребений, несколько отличаются от тех, которые характеризуют древнерусские и скандинавские камеры. Главный из них – наличие в могиле стационарной деревянной конструкции. Камерные погребения Южной Балтики, в отличие от камер Руси и Скандинавии, не были перекрыты курганными насыпями, часто имели более вытянутые пропорции могильных ям, никогда не сопровождалась останками животных и нередко содержали более скромный инвентарь (Janovsky, 2011, 2013; Müller-Wille, 2014. P. 482–510; Cieře, 2019. P. 477–483, 573, 574). В состав погребального инвентаря в отдельных таких могилах (например, в некрополе Цепля) входили стремя и удила (Cieře, 2019. P. 139–165, 555–557). В могильнике Бодзе в качестве материала для погребальных сооружений (гробов?) наряду с сосной использовался дуб (Koszařka, 2014. P. 422). А. Яновский отмечает отсутствие в камерных погребениях Южной Балтики скандинавских вещей. На территории Польши камерный обряд погребения появился во второй половине X и бытовал до XII в. А. Яновский полагает, что появление камерного погребального обряда на Южном побережье Балтики непосредственно не связано со скандинавским присутствием или влияниями, а отражает общие процессы формирования престижных форм погребального обряда в среде знати Северной и Восточной Европы (Janovsky, 2011, 2013).

При этом погребение “гнездиловского всадника” по характеру сооружения, в которое были помещены останки умершего, имеет сходство с

⁶ Анализ керамического материала выполнен Н.Д. Угулавоу (ИА РАН).

погребениями XI в. в больших могильных ямах прямоугольной в плане формы, известных в ряде могильников Северо-Восточной Руси, в том числе в Шекшове, в некрополях на Михайловской стороне и на территории Ризоположенского монастыря в Суздале (Макаров, Зайцева, 2016. С. 193–197). В некоторых таких погребениях доминируют, по-видимому, представляли собой стационарные конструкции. Инвентарь большинства таких погребений беден, во многих могилах отсутствует. Однако в некоторых случаях он содержит предметы, характерные для камерных погребений. Так, в мужском погребении 2 в Шекшове найдены весовые гири, ключ и наконечник стрелы. В целом погребения XI в. в больших могильных ямах остаются пока малоисследованной группой. Документация старых раскопок не всегда дает возможности для их полноценной характеристики. Очевидно, современные представления о камерных погребениях Руси как об обособленной группе элитных могил не в полной мере отражают вариативность погребальных обрядов X–начала XI в. и существование в некрополях Восточной Европы иных типов престижных погребений по обряду ингумации, отличавшихся особенностями устройства внутримогильных сооружений и более скромным набором сопровождающих вещей.

Остановимся подробнее на находках боевых топоров в могильниках Суздальского Ополя. Обращение к вещевым коллекциям и дневниковым записям 1851–1852 гг. показывает, что среди погребального инвентаря, собранного при раскопках А.С. Уварова, не было мечей X–XI вв., хотя представлен, по крайней мере, один наконечник ножен меча, найденный в кургане 137 в Василькове (ГИМ 54746, оп. В 2187/ 99; Wугwa, Janovsky 2014. Rys. 19, б). Топоров в этой коллекции около 140, большинство из них относится к характерным типам боевых топоров, они составляют наиболее многочисленную категорию предметов вооружения. Но, поскольку большинство находок в коллекции депортировано, связать предметы вооружения с отдельными могильниками и выделить среди погребений, исследованных в 1851–1852 гг., комплексы, включавшие боевые топоры, за редкими исключениями, не удается.

Новые находки, сделанные при раскопках и обследованиях 2010-х годов, происходят из трех могильников. Три топора найдены *in situ* в погребениях в Гнездилово и Шекшове, еще восемь происходят из разрушенных погребений. В Шекшове помимо широко известного топора с княжескими знаками (Макаров и др., 2013) найден еще один небольшой топорик типа IV (?) с утраченным обухом. Из сборов в могильнике Сельцо, в 3 км к северу от Суздаля, происходят два топорика с молоточком на обухе, типа I по А.Н. Кир-

пичникову (1973), и топорик с утраченным обухом, типологическая принадлежность которого точно не может быть установлена (скорее всего, тип I или II). Из сборов в Гнездилово происходят четыре боевых топора, относящиеся к типам IV (2 экз.), IVA (1 экз.) и III (1 экз.). Серия из 11 боевых топоров выглядит достаточно внушительной для древнерусских могильников, в которых находки предметов вооружения в целом редки. Отметим, что среди новых находок в могильниках нет рабочих топоров (хотя присутствуют обломки лезвий, которые могут принадлежать как боевым, так и рабочим).

В типологическом плане новые находки разнообразны. Обычные для славянского мира топоры с вырезным обухом (типа IV) преобладают (4 экз.), но многочисленны также и топоры с молоточком на обухе типа I (3 экз.), в целом широко распространенные в Восточной Европе, но особенно характерные для комплекса вооружения поволжских финнов и жителей Волжской Болгарии. Узколезвийные топоры с вырезным обухом (тип III) иногда рассматриваются как тип, первоначально имевший южнорусское происхождение (Плавинский, 2014. С. 66–68).

Все три могильника, из которых происходят находки боевых топоров, – некрополи “больших поселений”, локальных центров расселения X–XI вв., игравших ведущую роль в экономике и социальной организации центра Северо-Восточной Руси (Макаров и др., 2018). Два из них – Гнездилово и Сельцо – находились в ближайших окрестностях Суздаля. Находки топоров определенно указывают на присутствие среди обитателей больших поселений военно-административной элиты. Суздаль дважды упоминается в XI в. как место социальных конфликтов и военных столкновений, и оба раза эти события прямо затрагивают “землю”, негородские поселения. В 1024 г., после усмирения мятежа волхвов в Суздальской земле, Ярослав Владимирович “уставил ту землю” (Полное собрание..., 2000. С. 112). В 1096 г. после ожесточенной борьбы с Олегом Святославичем Мстислав Владимирович, восстановив власть над Суздалем, “...распусти дружину по селам” (Полное собрание..., 1997. Стб. 238). Оба эти летописные сообщения постоянно находят отражение в поле зрения исследователей при изучении начального периода истории Северо-Восточной Руси и получили бесчисленные комментарии.

Погребение 19 в Гнездилово – первый погребальный комплекс с всадническим снаряжением, выявленный археологами в Суздальском Ополе за последние 170 лет, и второй (после погребения в Шекшовском кургане 1 с инкрустированным боевым топором – Макаров и др., 2013) погребальный комплекс с ингумацией, который может быть достоверно связан с социальной элитой вы-

сокого ранга. Оно дает представление о том, как могли выглядеть ингумации с оружием и конским снаряжением из раскопок Уварова, оставшиеся скудно документированными. Возможно, его следует считать связующим звеном между камерными погребениями X в. и престижными погребениями в больших могильных ямах, получившими распространение в XI в. Сочетание в составе погребального инвентаря оружия, всаднического снаряжения и весов повторяется в ряде погребальных комплексов середины X – начала XI в. и могло иметь особое символическое значение в репрезентации знати. Общий набор инвентаря в погребениях, содержащих весы, характеризует погребенных скорее как представителей элиты, связанных с осуществлением административно-фискальных функций (приемом серебра в качестве податей?), чем как купцов, представителей профессиональной группы, связанной с торговлей (Жуковский, 2019. С. 124–147). Стоит отметить, что и курган с погребением “гнездиловского всадника”, и курган с инкрустированным топором в Шекшове, и камерные погребения с оружием в Тимереве находились не в центре некрополя, а на краю или у края курганных групп. Предложенная датировка погребения 19 в могильнике Гнездилово примерно соответствует летописным событиям 1024 г., с которыми связано первое упоминание о Суздаде, – “мятежу волхвов” и последующему “уставлению земли” Ярославом.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00538-П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жуковский М.О.* Инструменты для малых взвешиваний Древней Руси (IX–XIII вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 290 + 112 с.
- Жуковский М.О.* Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси: IX–XIII вв. М.: Наука, 2021. 476 с.
- Зозуля С.С.* К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 Тимеревского археологического комплекса // XIV Тихомировские краеведческие чтения (2013 год). Ярославль: Канцлер, 2014. С. 233–243.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М.; Л.: Наука, 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 146 с.
- Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 140 с.
- Лапшин В.А.* Ранняя дата Владимирских курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166. С. 45–48.
- Лапшин В.А.* Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздадем // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 195. С. 66–71.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е.* Бескурганые ингумации в могильнике Шекшове: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2016. С. 186–199.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М.* Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко / Отв. ред. В.И. Молодин, М.В. Шуньков. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2013. С. 435–444.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Ерохин С.А.* Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздадем // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 264. С. 7–29.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е., Добровольская М.В.* Средневековый могильник Шекшове: “владимирские курганы” в свете новых полевых исследований // Российская археология. 2020. № 4. С. 121–140.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Угулава Н.Д.* Первые результаты раскопок могильника Гнездилово под Суздадем // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2022. С. 7–20.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В.* Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2018. С. 7–25.
- Михайлов К.А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североευропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.
- Недошивина Н.Г.* Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье в X–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. М., 1963. С. 55–62.
- Недошивина Н.Г., Зозуля С.С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 179–193.
- Плавинский Н.А.* Вооружение западных земель Руси X–первой половины XI в.: становление древнерусской традиции и формирование региональных особенностей (по материалам с территории Беларуси) // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура / Под ред. Н.А. Макарова, А.Е. Леонтьева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 62–73.
- Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 4, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XXXVIII, 686 с.

- Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.: Наука, 1988. 143 с.
- Седова М.В.* Суздаль в X–XV вв. М.: Рус. мир, 1997. 236 с., 40 л. ил.
- Смирнова Л.И.* Лепная керамика тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // Советская археология. 1987. № 2. С. 90–102.
- Фехнер М.В., Янина С.А.* Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы / Ред. В.И. Козенкова и др. М.: Наука, 1978. С. 184–192.
- Buko A.* Świt państwa polskiego. Warszawa: Institut archeologii i etnologii Polskiej akademii nauk, 2021. 329 s.
- Сіеplatte.* An elite early medieval cemetery in Eastern Pomerania / Ed. S. Wadył. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2019. 574 p.
- Janovsky A.* Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea // Der Wandel um 1000: Beiträge der Sektion zur Slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Langenweißbach, 2011 (Sonderdruck aus Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; 60). S. 257–267.
- Janovsky A.* Are the chamber graves from Pien' really Scandinavian? // Scandinavian culture in Medieval Poland / Eds. S. Moździoch, B. Stanisławski, P. Wiszewski. Wrocław, 2013. P. 395–409.
- Kozzałka J.* Wood and Plant Macro-remains Analysis // Bodzia. A Late Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. A. Buko. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 139–142.
- Kotowicz P.* Early Medieval Axes from the Territory of Poland. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2018. 268 p.
- Müller-Wille M.* The Cemetery in Bodzia in a Broader European Context // Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. A. Buko. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 479–510.
- Wyrwa A.M., Janovsky A.* Dolne okucie pochwy miecza z przedstawieniem ludzkiej twarzy z Łekna (stan. Ł5) // Fontes Archaeologici Posnanienses. 50. Poznań, 2014. S. 323–346.
- Yotov V.* Traces of the presence of Scandinavian warriors in the Balkans // Byzantium and the Viking world / Eds. F. Androschuk, J. Shepard, M. White. Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. P. 241–253.

SUZDAL NOBILITY: A BURIAL WITH WEAPONS AND RIDING GEAR IN THE GNEZDILOVO CEMETERY

Nikolai A. Makarov^{a,#} and Anna M. Krasnikova^{b,##}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^b State Historical Museum, Moscow, Russia

[#] E-mail: nmakarov10@yandex.ru

^{##} E-mail: krasnikova.an@yandex.ru

The appearance of elite burials of the 10th – first half of the 11th century in the central regions of North-Eastern Rus has not been sufficiently clarified in archaeology. Burials with weapons uncovered by excavations of the 19th – mid 20th century part have remained poorly documented for the most. In 2021, for the first time in the last 170 years, a burial complex with inhumation accompanied by horse harness and riding gear was studied in Suzdal Opole. This grave can be reliably associated with a high-ranking member of social elite. The inhumation was uncovered in the Gnezdilovo burial ground on the site of a mound, whose earthwork had been completely destroyed by plowing, in a large grave pit oriented NW–SE. The pit size (3.3 × 1.6 m) and the presence of wooden structures in it with cuts at the corners correspond to the characteristic features of chamber graves. However, unlike the classical chambers, which were underground structures with ceilings, the pit of burial 19 was shallow. The goods accompanying the buried male included a fragment of a dirham, folding scales and two weights, a bronze buckle, a knife, a fire-steel with flint, a pair of stirrups, a girth buckle, a horse bit, a battle axe and a handmade vessel. The composition of the grave goods, which is rare for Rus cemeteries, characterizes the buried person as a member of the elite, possibly associated with the performing of administrative and fiscal activities. The dating of burial 19 (the turn of the 10th–11th centuries – the first quarter of the 11th century) approximately corresponds to the chronicle events of 1024, the first mention of Suzdal, associated with the “mutiny of the Magi” and the subsequent “setting of the land” by Yaroslav.

Keywords: medieval Rus, burial rite, elite burials, Suzdal Opolye, mounds, battle axes, riding gear.

REFERENCES

- Buko A.*, 2021. Świt państwa polskiego. Warszawa: Institut archeologii i etnologii Polskiej akademii nauk. 329 p.
- Сіеplatte.* An elite early medieval cemetery in Eastern Pomerania. S. Wadył, ed. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2019. 574 p.
- Fekhner M.V., Yanina S.A.*, 1978. Scales with an Arabic inscription from Timerevo. *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Vostochnoy Evropy [Issues of ancient and medieval history of Eastern Europe]*. V.I. Kozenkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 184–192. (In Russ.)
- Janovsky A.*, 2011. Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea. *Der Wandel um 1000: Beit-*

- räge der Sektion zur Slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Langenweißbach, pp. 257–267. (Sonderdruck aus Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas, 60).
- Janovsky A., 2013. Are the chamber graves from Pien' really Scandinavian? *Scandinavian culture in Medieval Poland*. S. Moździoch, B. Stanisławski, P. Wiszewski, eds. Wrocław, pp. 395–409.
- Kirpichnikov A.N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Weaponry of Rus], 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny [Spears, darts, battle-axes, maces, and flails]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-36).
- Kirpichnikov A.N., 1973. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Riding and horse gear in Rus in the 9th–13th centuries]. Leningrad: Nauka. 140 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-36).
- Koszalka J., 2014. Wood and Plant Macro-remains Analysis. *Bodzia. A Late Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland*. A. Buko, ed. Leiden; Boston: Brill, pp. 139–142.
- Kotowicz P., 2018. Early Medieval Axes from the Territory of Poland. Kraków: Polska Akademia Umiejętności. 268 p.
- Lapshin V.A., 1981. Early date of the Vladimir burial mounds. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 166, pp. 45–48. (In Russ.)
- Lapshin V.A., 1989. Archaeological complex at the village of Gnezdilovo near Suzdal. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 195, pp. 66–71. (In Russ.)
- Makarov N.A., Fedorina A.N., Shpolyanskiy S.V., 2018. Large settlements of the 10th–11th centuries and settlement patterns of the 12th–13th centuries in Suzdal Opolye: continuity issues. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of a Scientific seminar]*, 8. Moscow: IA RAN, pp. 7–25. (In Russ.)
- Makarov N.A., Krasnikova A.M., Erokhin S.A., 2021. First results of new studies of the Gnezdilovo cemetery near Suzdal. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 264, pp. 7–29. (In Russ.)
- Makarov N.A., Krasnikova A.M., Ugulava N.D., 2022. First results of excavations at the Gnezdilovo burial ground near Suzdal. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of a Scientific seminar]*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 7–20. (In Russ.)
- Makarov N.A., Krasnikova A.M., Zaytseva I.E., Dobrovolskaya M.V., 2020. The Shekshovo medieval burial ground: “Vladimir Kurgans” in the light of new field research. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 121–140. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2016. Inhumations without mounds in the Shekshovo burial ground: new materials for studying Rus funeral rite. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of a Scientific seminar]*, 6. Moscow: IA RAN, pp. 186–199. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., Krasnikova A.M., 2013. Ceremonial hatchet with princely signs from Suzdal Opolye. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: k 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko [Fundamental issues of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia: to the 70th anniversary of Academician A.P. Derevyanko]*. V.I. Molodin, M.V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 435–444. (In Russ.)
- Mikhaylov K.A., 2016. Elitarnyy pogrebal'nyy obryad Drevney Rusi: kamernye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoevropeyskikh analogiy [Elite funeral rite of Rus: chamber burials of the 9th – early 11th centuries in the context of northern European analogies]. St. Petersburg: Branko. 272 p.
- Müller-Wille M., 2014. The Cemetery in Bodzia in a Broader European Context. *Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland*. A. Buko, ed. Leiden; Boston: Brill, pp. 479–510.
- Nedoshivina N.G., 1963. Armament objects from the Yaroslavl burial grounds. *Yaroslavskoe Povolzh'e v X–XI vv. [Yaroslavl area of the Volga River region in the 10th–11th centuries]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow, pp. 55–62. (In Russ.)
- Nedoshivina N.G., Zozulya S.S., 2012. Mounds of Yaroslavl area of the Volga River region. *Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries: Archaeological panorama]*. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 179–193. (In Russ.)
- Plavinskiy N.A., 2014. The armament of the western lands of Rus in the 10th – first half of the 11th century: the formation of Old Rus tradition and the emergence of regional features (based on materials from the territory of Belarus). *Rus' v IX–XII vv.: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries: society, state, and culture]*. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 62–73. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], I. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 733 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 4, 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod Fourth Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. XXXVIII, 686 p.
- Ravdina T.V., 1988. Pogrebeniya X–XI vv. s monetami na territorii Drevney Rusi [Burials of the 10th–11th centuries with coins on the territory of Rus]. Moscow: Nauka. 143 p.
- Sedova M.V., 1997. Suzdal' v X–XV vv. [Suzdal in the 10th–15th centuries]. Moscow: Russkiy mir. 236 p., 40 p. ill.
- Smirnova L.I., 1987. Modelled pottery from the Timerevo burial mounds and its ethnic attribution. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 90–102. (In Russ.)

- Wyrwa A.M., Janovsky A.*, 2014. Dolne okucie pochwy miecza z przedstawieniem ludzkiej twarzy z Łekna (stan. Ł5). *Fontes Archaeologici Posnanienses*, 50. Poznań, pp. 323–346.
- Yotov V.*, 2016. Traces of the presence of Scandinavian warriors in the Balkans. *Byzantium and the Viking world*. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White, eds. Uppsala: Uppsala Universitet, pp. 241–253.
- Zhukovskiy M.O.*, 2019. Instrumenty dlya malykh vzveshivaniy Drevney Rusi (IX–XIII vv.): dissertatsiya ... kandidatstva istoricheskikh nauk [Tools for small weighings of Rus (9th–13th centuries): a Thesis for the Doctoral degree in History]. Moscow. 290 + 112 p.
- Zhukovskiy M.O.*, 2021. Instrumenty i praktika malykh vzveshivaniy v Drevney Rusi: IX–XIII vv. [Tools and practice of small weighings in Rus: the 9th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 476 p.
- Zozulya S.S.*, 2014. On the features of the chamber burial rite in Yaroslavl area of the Volga region. Burials in mounds 100 and 459 of the Timerevo archaeological complex. *XIV Tikhomirovskie kraevedcheskie chteniya [XIV Tikhomirov local history readings]* (2013). Yaroslavl': Kantsler, pp. 233–243. (In Russ.)